

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Им приснилось небо Лондона

Пермский ТЮЗ высказался о патриотизме

Юлия Баталина

Театр юного зрителя не в первый раз берётся за «новую драму»: попытки, связанные с уральской драматургией — «Большая советская энциклопедия» Николая Коляды и «Европа — Азия» братьев Пресняковых, — не особенно удались. Не то чтобы режиссёр-постановщик (в обоих случаях — худрук театра Михаил Скоморохов) не проявил изобретательности, нет, режиссёрский замысел достоин похвал, но органика труппы — всей целиком и каждого актёра в отдельности — активно противилась навязанной эстетике. В каждой реплике так и звучало: «Мы рождены для классики!»

Максим Соколов, недавно назначенный главным режиссёром театра после ухода Евгения Зимина, даже и не пытается «играть» в «новую драму»: он изначально отказывается от её стандартов и ставит комическую притчу о том, что такое любовь к Родине. При таких условиях то, что «новодрамовский» текст звучит в хорошем актёрском произношении и, что называется, «с выражением», можно списать на условность всего происходящего.

Основой для спектакля стала одноактная пьеса белорусского автора Максима Досько «Лондон», текст которой Соколов изрядно переработал. У Досько это моносспектакль: один-единственный герой играет главную роль — сантехника Гену — и рассказывает о случившихся с ним событиях от третьего лица, так что «Лондон» вполне можно воспринимать не как пьесу, а просто как новеллу. Соколов разнообразил действие настолько, что в нём участвуют аж четыре актёра...

Нет, шесть! Капельдинеры — тоже актёры: они встречают зрителей в костюмах стюардесс, а позже, когда все усаживаются на свои места, проделывают все «ритуалы», положенные перед началом полёта: рассказывают о мерах безопасности, просят пристегнуться, показывают запасные выходы и т. д. Видно, что капельдинерам — театральным донельзя людям — участие в спектакле очень в кайф!

Это же касается и Василия Вяткина, монтировщика сцены, который играет в спектакле сразу несколько ролей, бессловесных, но выразительных: он и белорусский сантехник, напарник Гены, и британский гвардеец. Ещё один персонаж — аккордеонист Феликс Готлиб. Он не просто обеспечивает музыкальное сопровождение, но и играет несколько маленьких ролей — например, соседа Гены в самолёте — и тоже явно получает удовольствие от нового жизненного статуса.

Этот приём — непрофессионалы на сцене — придал спектаклю оттенок творческой радости и энтузиазма, которые так редко встретишь в профессиональных театральных работах, гораздо чаще — в самодеятельности. Но самодеятельность только энтузиазмом и хороша, а здесь — совсем другое дело: творческий «костяк» составили профессионалы, при-

чём из очень разных областей. Так, активно используется видеоарт, который создал лауреат «Золотой маски» Алексей Хорошев, а мегамозг пермского стрит-арта Александр Жунёв сотворил некий арт-объект, который в спектакле олицетворяет всё — от родного гнезда до портала в иную реальность. Арт-объект, прямо скажем, странноватый: эта овальная корзина без дна, сплетённая из проводов, подошла бы скорее к образу электрика, чем сантехника...

Главную роль Максим Соколов доверил Александру Шарову. А кому же ещё? Он в труппе ТЮЗа отвечает за чистое, свежее народное начало. Есть в спектакле и героиня — гид-переводчик Эбигейль, которую сыграла Екатерина Культина. В пьесе Досько этот персонаж отсутствует, так что автор, наверное, очень удивился бы, посмотрев пермскую версию своего произведения.

Впрочем, Культина весьма украсила спектакль: её Эбигейль оказалась барышней эмоциональной, слегка чудаковатой и непростой, а английский акцент у актрисы получается прелестно. Правда, когда она читает стихотворение Бродского «Не выходит из комнаты», думается, ей следовало бы как раз выйти — выйти из роли. Ведь это стихотворение (его, понятно, тоже нет в тексте пьесы) само по себе — выход за пределы условной реальности спектакля, который мгновенно расширяет его смысловые границы.

Получается, что это не просто трогательная история о сантехнике, которому выпала сказочная удача побывать в Лондоне с шансом там остаться, а он только и думал о том, как бы домой вернуться; теперь это притча о том, что бывает, когда выходишь из «комнаты» — из привычного жизненного порядка, из привычных событийных рамок...

Прозрение — вот что тогда бывает. Не случайно в финале спектакля в видеоряде появляется фраза, которую Соколов решил не произносить устами своего героя: «Гена живёт точно так же, как и до поездки в Лондон, только уже знает, что любит Родину». Ради этого стоило куда-то выйти.

На остроумной афише спектакля Гена-Шаров сфотографирован беседующим с бронзовым коллегой — скульптурным сантехником Равилия и Рустама Исмагиловых. И это очень правильно: спектакль, даром что про Белоруссию, получился очень пермским, родным каким-то.

ФОТО АРСЕНИЙ ДЕМИДОВ

